

В.В. Гура

ВОЛОГОДСКИЙ КРАЙ И ЕГО НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ (история собирания и изучения)*

Богата и самобытна культура Русского Севера. Из-
давна славен он замечательными памятниками де-
ревянного зодчества, живописью древнерусских масте-
ров, росписью домашней утвари, искусными народными
узорами вологодских кружевниц, тончайшей шемогод-
ской резьбой по бересте, работой великоустюгских мас-
теров чернения по серебру и «мороза по жести».

Полнее всего, может быть, высокий художественный
вкус северян воплотился в искусстве слова, в его поэтиче-
ской культуре. Вологжане, как и северные их соседи, бе-

* Печатается по: Гура В.В. Вологодский край и его народная поэзия:
(История собирания и изучения) // Народное устно-поэтическое твор-
чество Вологодского края: Сказки, песни, частушки / Под ред. В.В. Гура.
— Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1965. — С. V—XX.

режно сохраняли и вносили свой вклад в богатейшее, веками создававшееся русским народом наследие устной поэзии. Поэтическое слово народа вошло в его повседневный быт, неотделимо от его труда, от всей жизни. Былина, сказка, легенда, песня, отлившаяся в мудрый афоризм пословица, крылатая частушка передавались из поколения в поколение, впитывая в себя историю народа, суровую красоту Русского Севера, тяготы труда и быта людей, обрабатывающих нещедрую на дары землю.

В жанрово многообразном, богатом по идейным мотивам и художественному мастерству творчестве вологжан воплощены общерусские национальные традиции. Устная народная поэзия Вологодского края — часть богатейшего культурного наследия русского народа, зеркало его социальных устремлений, извечной тяги к прекрасному.

Марксистско-ленинская эстетика связывает зарождение устного народного творчества с процессами труда человека, возбуждавшими мышление, смелую, зоркую, художественно богатую фантазию, воплощавшуюся в мифы и сказки, легенды и предания, основной смысл которых, по словам М. Горького, «сводится к стремлению древних рабочих людей облегчить свой труд, усилить его продуктивность, вооружиться против четвероногих и двуногих врагов, а также силою слова, приемом “заговоров”, “заклинаний” повлиять на стихийные, враждебные людям явления природы». Народ глубоко верил «в силу своего слова, а вера эта объясняется явной и вполне реальной пользой речи, организующей социальные взаимоотношения и трудовые процессы людей»¹.

¹ Горький М. Собр. соч.: В 30-ти тт. — Т. 27. — М.: Гослитиздат, 1953. — С. 300.

Устная поэзия создавалась коллективной мудростью народа, художественно шлифовалась столетиями. Складывались веками, воплощались в образную форму народные представления об истории, свое понимание и свои оценки ее драматических событий и участвовавших в них личностей, реалистическими красками расцвечивались детали труда и быта народа, его борьбы за свои идеалы в различные исторические эпохи.

Доподлинно народное творчество широких масс народа, по мнению В.И. Ленина, важно для понимания его истории, чаяний и ожиданий народных, для изучения народной психологии и обобщения всего этого «под социально-политическим углом зрения»¹.

Реалистическое по своей природе мифотворчество М. Горький связывал не с «религиозным» мышлением трудовой массы, а с «художественным обобщением успехов труда» людьми физического труда, идеализировавшими способности человека и предчувствовавшими их мощное развитие. С гордостью утверждал М. Горький, что «наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев созданы фольклором, устным творчеством трудового народа». Несмотря на бесправное, беззащитное положение творцов устной поэзии, на мучительный рабский труд, бессмысленный эксплуататорами, поэтическому творчеству народа всегда чужд пессимизм, а коллективу создателей совершеннейших образцов мудрой народной поэзии «как бы свойственны сознание его бессмертия и уверенность в его победе над всеми враждебными ему силами»².

¹ В.И. Ленин о литературе и искусстве. — М.: Гослитиздат, 1957. — С. 610.

² Горький М. Собр. соч.: В 30-ти тт. — Т. 27. — М.: Гослитиздат, 1953. — С. 305.

«Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества»¹. К этим горьковским словам следует еще добавить мысль о том, что, не зная устного народного творчества, нельзя познать быт, нравы, психологию, устремления и чаяния народа на разных этапах его исторического развития.

I.

Славянские поселения на территории современной Вологодской области известны с VI—VII вв. Через Белоозеро и Сухонский бассейн новгородские дружины проникали далеко на северо-восток. К середине IX века северорусский город Белоозеро был уже одним из крупнейших экономических и культурных центров Древней Руси. А в 1147 году, по сообщению «Вологодского летописца», на реку Вологду, «на великий лес» пришел киевский монах Герасим. На берегу он увидел церковь Воскресения, на Ленивой площадке — небольшой торжок. Так дошло до нас первое известие о Вологде. В этом же веке возникают Верховажский посад, Тотьма, Кубенское и другие поселения.

Западная часть Вологодского края издавна входила в состав Киевского государства, а с его распадом познала пору феодальной раздробленности. Белозерская округа, древнее Заволочье, Заозерье, Важские земли становятся местом ожесточенной междоусобной борьбы между новгородскими, ростово-суздальскими, а затем и московскими князьями. Феодальная раздробленность Руси, отсутствие единых действий со стороны княжеств, занятых междоусобными раздорами, — все это мешало объединению сил русского народа для отпора монгольским

¹ Там же. — С. 311.

полчищам. Татары вплотную подошли к границам Русского Севера, в некоторых поселениях посадили даже своих сборщиков дани. Тяжелое татарское иго, под которым в течение долгих столетий находился русский народ, по словам К. Маркса, «не только давило, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой».

В борьбе за объединение русских земель вокруг Москвы вологжане принимали активное участие. Храбро сражались на Куликовом поле белозерские и устюженские полки. Из воинской повести «Сказание о Мамаевом побоище» известно, что белозерские дружины, откликнувшись на призыв Дмитрия Донского, выступили из Москвы навстречу врагу во главе русского войска и в день битвы на Куликовом поле приняли на себя главный удар татарской конницы.

Вскоре после этой битвы Белозерье присоединилось к Москве. «Господин великий Новгород» терял обширные пространства от Вологды до Великого Устюга, владения Московского государства простирались все дальше на Север. Ликвидация феодальной раздробленности, возвышение Москвы как политического, экономического и культурного центра Руси, вели к расцвету культурной жизни Русского государства.

Бурные для своего времени события, разворачивавшиеся на древней вологодской земле, неотделимы от жизни всего русского народа, от его трудной борьбы за национальную независимость.

Устная народная поэзия навсегда запечатлела и высокое патриотическое сознание вологжан, черпавших силу в борьбе за единство русского государства, и будничную жизнь народа с ее повседневными радостями и горестями.

Наряду с древними сказками о животных и волшебными сказочными повествованиями, величественными песенными хороводами и свадебными обрядами, тесно связанными с особенностями быта народа, широкое распространение на Севере получает русский былинный эпос, особенно былины новгородского цикла (о Ставре Годиновиче, Садко-богатом госте, Василии Буслаеве). Их возникновение исследователи относят еще к XII веку.

Богатые традиции устной народной поэзии оказывают сильнейшее влияние на памятники древнерусской литературы. Многие из них своим возникновением связаны с северными землями Древней Руси. Еще в «Молении Даниила Заточника», донесшего с диких берегов озера Лаче горький плач несчастного холопа, за витиевато-риторическим стилем ощущается прочная связь с устной поэзией народа («Кому Переславль, а мне гореславль; кому Боголюбово, а мне горе лютее; кому Белоозеро, а мне чернее смолы; кому Лаче озеро, а мне много плача исполнено, зане часть моя не прорасте в нем»). О богатстве традиций народной поэзии Древней Руси свидетельствует и поэтическая повесть «Задонщина», древнейший список которой найден в Кирилло-Белозерском монастыре и относится к 1470 году.

Великопермская, Кирилло-Белозерская, Вологодско-Пермская, Устюженский Летописный Свод и другие летописи, известные в списках XVI века, возникших в период бурного развития Вологодского края, опираются и на сказания, бытовавшие в устном виде. Широко отражается в народных песнях этого времени и борьба русского народа с польско-литовским нашествием. Вологжане приняли активное участие в изгнании интервентов, жестоко разорявших древние города и села Вологодского края.

Значительная часть вологодских земель становится в XVII веке вотчиной крупных помещиков. Расширение торговых связей края вело к росту купечества, процветанию торговых городов. Эксплуатация крестьян крупными помещиками, а городской бедноты — богатым купечеством, злоупотребления воеводами властью — все это привело к ряду восстаний. Городские восстания вспыхнули в Великом Устюге и Сольвычегодске. Восстание бедноты в Тотьме было поддержано крестьянами. В Вологодских краях появились «прелестные письма» Степана Разина. Один из его соратников пробился с большим отрядом в Тотьму. В условиях борьбы за землю и свободу подтачивались устоявшиеся традиции старины, книжная литература испытывала все большее влияние устной поэзии, особенно тех ее произведений, в которых отражалась оппозиция крестьянства господствующим классам.

Талантливые народные певцы — скоморохи, гонимые за острый язык светскими властями и церковью, бежали на Север, оседали и в Вологодских краях.

«В северных деревнях гудели дудки и самодельные, похожие на грушу, трехструнные “гудки”, по которым водили луковидным смычком. Плясали и кобенились скоморохи. Они глумились над боярами кособрюхими и высмеивали их лихоимство и спесь, разыгрывали потешные представления, показывая, как челобитчики несут боярам в лукошках “посулы”, потешные сцены, вроде “Шемякина суда”»¹.

В древнерусской литературе XVII века преобладают повести бытового и сатирического характера. Среди них — знаменитая «Повесть о Савве Грудцыне», озаглавлен-

¹ Морозов А. Ломоносов и культура Русского Севера // Север. — Архангельск, 1949. — №11. — С. 219.

ная в одном из списков «Повесть зело правдивна бытъ в древние времена и лета, града Великого Устюга кушца Фомы Грудцына, о сыне его Савве...». Известны Русскому Северу и выдающиеся сатирические произведения, связанные с традициями устной поэзии, повесть о Шемякинском суде, повесть о Ерше Ершовиче. В сатирическом памфлете «Праздник кабацких ярыжек» или «Служба кабаку», возникшем в Прилуцком монастыре, что под Вологдой, обильно используются традиционные элементы устной поэзии, репертуар певцов-скоморохов. Текст этого памятника пересыпан народными шутками, прибаутками, небылицами, пословицами и поговорками («Слава отцу Иванцу и сыну Селиванцу», «Под лесом видят, а под носом не слышат», «Жити весело, а ести нечего», «Дом потешен, голодом изнавелион, робята пицат, ести хотят, а мы, право, божимся, что и сами не етчи ложимся»)¹.

Древнерусская литература в своем развитии опиралась на вековые устно-поэтические традиции народа. Корни народного словесного искусства уходят в глубь веков. Установить основные этапы его чрезвычайно трудно и потому, что устные произведения дошли до нас в форме, трансформированной позднейшими наслоениями.

Особую ценность представляют рукописные сборники XVII—XVIII веков, сохранившие самые ранние записи образцов народной поэзии. В Кадникове обнаружен большой рукописный сборник пословиц и поговорок XVII века². П. Дилакторский «из рук простонародья»

¹ Подробнее см.: Адрианова-Перетц В.П. У истоков русской сатиры // Русская демократическая сатира XVII века. — М.; Л., 1954. — С. 137—187.

² Симои П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий // Сборник Отделения русского языка

добыли тетрадь со списком народных драм «Шапошник и мужик», «Могильник и кобыляк», относящихся ко второй половине XVIII века¹. Им же была опубликована «Ведомость о масленичном поведении 1762 года»². Акад. В.И. Срезневский приобрел в Великом Устюге нотный песенник конца XVIII века, в который вошли лирические, масленичные, свадебные, хороводные, подблюдные и другие народные песни. В другом сборнике песен и романсов конца XVIII века, приобретенном в Кадниковском уезде, — известные по поздним записям и широко распространенные в крае лирические и свадебные песни «Ах, как я молода», «Ах, по мосту, мосту», «Весел я весел сегодняшний день», «Во лузях», «Ты крапива, крапива жигучая». Вошли в эти сборники и песни «Во Кистрине было городе», «Ныне времечко военно»³. Положительные результаты дали и другие экспедиции, предпринятые с целью разыскания древних рукописей, включающих в себя и образцы народной поэзии. Даже эти скудные сведения дают представление о широком бытовании устной поэзии в XVII—XVIII веках на территории Вологодского края.

В середине XVIII века Вологодский край перестает играть ту большую роль в экономической жизни страны, какую играл раньше. Упразднение значительной части

и словесности Академии наук. — СПб., 1899. — Т. LXVI. — №7. — С. 163—216. Рукопись из г. Кадникова от Н.Г. Ордина получена в 1879 году и хранится в БАН.

¹ Миллер В.С. Новый интерлюдий XVIII века // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. — СПб., 1900. — Т. V. — Кн. 3. — С. 747—767.

² Дилакторский П. Ведомость о масленичном поведении // Этнографическое обозрение. — 1895. — Кн. 24. — №1. — С. 118—122.

³ Срезневский В.И. Отчет отделению русского языка и словесности АН о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернии (июнь 1902 года). — СПб., 1904. — С. 206—207, 225—230, 260 и др.

обширных монастырских владений не освобождало крестьян от поборов. Раздача земель дворянам-помещикам увеличивала число крепостных. Принудительный труд на барина, кабальная зависимость от него вызывали среди крестьян стихийные вспышки протеста. Неимоверно большие налоги душили и так называемых государственных крестьян. Вологодский черносошный крестьянин Иван Чупров, выступая в комиссии для составления нового «Уложения», заявлял, что труд государственных крестьян, поскольку они «в вольности жительство имеют», гораздо продуктивнее труда «помещиковых крестьян», которые «в унынии и бедности жительство имеют». Он не только требовал ограничить власть помещиков, «безмерно мучающих» своих крестьян, но и резко протестовал против желаний купечества «помещичьи выгоды иметь». Невыносимо тяжело жилось крестьянам, обремененным поборами: «не точию у них у иных в доме другого чего, но и сверху скрозь, худые оконницы за скудостью, а на плечах ладной одежды нет, хлеба иногда отобедать с нуждой»¹.

О тяжелом положении трудолюбивого населения Русского Севера, скованного «узами рабства», писал и друг Александра Радищева Петр Челищев. Совершив в 1791 году большое путешествие по Северу России, побывав в Великом Устюге, Тотьме, Вологде, Белозерске, он с горьким сожалением писал о пренебрежении правительства к интересам и нуждам народа. Осуждая пассивность и суеверие народа, выраженные и в его творчестве, П.И. Челищев с гордостью заявлял, что «русский язык, как верное выражение ума и души народа, обладает всеми условиями для того, чтобы служить достаточным орудием

¹ Русская проза XVIII века. — Т. 1. — М.; Л., 1950. — С. 240.

ем для просветительных целей»¹. Находясь в самых тяжелых условиях, оторванный от письменности, народ никогда не утрачивал интереса к творчеству, отдавал свой талант устной поэзии.

II.

Осознание необходимости собирания и изучения устной народной поэзии стало фактом уже в XVIII веке. «Меняется отношение к народной поэзии, — пишет историограф русской фольклористики М.К. Азадовский. — Просветительское отношение к фольклору как к остаткам невежественной старины или проявлению народного бескультурья уступает место признанию его эстетического и этического значения и совершенства»².

На смену стихийному отношению к устной народной поэзии приходит стремление осмыслить ее социально-художественные ценности, общественное и литературное значение. Обсуждение проблем народного и национального в литературе XIX века неизменно связывается с традициями народной поэзии.

Оценка поэзии народа становится предметом острых споров и напряженной идейной борьбы. Столкновение демократических и реакционных позиций сказалось и на первых этапах собирания и изучения народной поэзии Вологодского края. Демократические взгляды на устное творчество народа характерны были в начале XIX века для «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». В него входила значительная группа волог-

¹ Челищев П.И. Путешествие по Северу России в 1791 году. — СПб., 1886. — С. 213.

² Азадовский М.К. История русской фольклористики. — Т. 1. — М.: Учпедгиз, 1958. — С. 113.

жан (К.Н. Батюшков, Н.Ф. Остолопов, Н.П. Брусилов). Однако собирательской деятельностью они еще не занимались и сколько-нибудь значительных образцов народной поэзии родного края в научный обиход не ввели.

Народные предания собирали тогдашний вологодский епископ Евгений (Болховитинов), человек консервативный по своим убеждениям. Он поддерживал собирательские интересы И.М. Снегирева, не раз приезжавшего в Вологду, посылал фольклорные и исторические материалы Н.М. Карамзину, но сам изучением народной поэзии не занимался.

Усиление политической реакции после разгрома декабристского движения способствовало формированию теорий так называемой официальной народности. Охранительные тенденции, позиции «квасного» патриотизма и шовинизма не давали возможности по достоинству оценить редактору «Русского Вестника» Сергею Глинке те образцы народного творчества, с которыми он столкнулся во время путешествия по Вологодской губернии. То же самое произошло и с издателем «Отечественных записок» П.П. Свиньиным, изучавшим жизнь и быт жителей Вологодского края в духе официальной народности («Картины России и быт разноплеменных ее народов: Из путешествий П.П. Свиньиного», 1839). В русле официальной народности шла собирательская деятельность И.М. Снегирева и И.П. Сахарова.

Низок был и уровень развития науки о народной поэзии. Составители первых сборников, куда входили и образцы народной поэзии Вологодского края, не считали нужным указывать адреса публикуемых произведений. Вологодские тексты, как и другие записи, в первых сборниках И.М. Снегирева («Русские в своих пословицах», 1831—1834, «Русские народные пословицы и притчи»,

1848) не были обозначены. И только в «Новом сборнике русских пословиц и притчей» И.М. Снегирев указал на восемнадцать вологодских пословиц¹, не обозначив, однако, тексты, записанные С.П. Шевыревым по пути в Белозерск.

Важность изучения местных особенностей произведений народной поэзии была отмечена И.П. Сахаровым². Ему же принадлежат и первые публикации вологодских записей. В «Сказаниях русского народа» (1837) он дает одно из самых ранних описаний свадебного обряда Вологодской губернии, а в «Песнях русского народа» (1838) публикует местные присловья, колядскую песню, сообщает о народных праздниках и преданиях в Вологде и Устюге, подблюдных играх в святки. Описание вологодской свадьбы дает и А.В. Терещенко в книге «Быт русского народа» (1848), замечая, что «по недоставлению окончательных обрядов», он должен был «ограничиться общими чертами о свадьбе вологодской». Многие из этих публикаций обесценены подделкой текстов в угоду цензуре и взглядам официальной народности, тесными рамками казенного мировоззрения собирателей и исследователей³.

Среди публикаций этого времени несколько особняком стоит сборник крестьянского поэта-самоучки М. Суханова «Древние русские стихотворения, служащие в дополнение к Кирше Данилову» (СПб., 1840), в который вошла былина «О Святогоре-богатыре», записанная в

¹ Новый сборник русских пословиц и притчей, служащий дополнением к собранию русских народных пословиц и притчей, изданных в 1848 году И. Снегиревым. — М., 1857. — С. 14—17, 27, 33, 38—40, 49, 51, 53.

² Сахаров И.П. Сказания русского народа. — Ч. II. — СПб., 1837. — С. 184.

³ Азадовский М.К. История русской фольклористики. — Т. 1. — М.: Учпедгиз, 1958. — С. 364—365.

Устюге, и составленное И. Пущкаревым «Описание Вологодской губернии» (СПб., 1846), включившее ранние образцы народных поверий, песен, заметки о хороводах и свадебных обрядах.

О богатстве устной народной поэзии в Вологодском крае впервые заговорил известный русский критик, издатель журнала «Телескоп» Н.И. Надеждин (1804—1856), сосланный в 1837 году в Усть-Сысольск за публикацию «Философических писем» П.Я. Чаадаева. По достоинству оценивая высокую культуру и «богатство древних вологжан»¹, Н.И. Надеждин был поражен обширнейшими, малозаселенными пространствами губернии, покрытыми «дремучими, непроходимыми лесами». «Вологодская губерния, — писал он, — есть пока звериное царство, особенно в своей восточной полосе». Здесь властвует не только «патриархальная простота, граничащая с дикостью», но и вечная нужда жителей, которые «в продолжение нескольких лет сряду питались пихтовою корою вместо хлеба». В этих отдаленных уездах Вологодской губернии Н.И. Надеждин и нашел больше всего «остатков русской самобытной народности». «Здесь, — писал он, — сохраняются до сих пор во всей чистоте древние предания, поверья, обычаи, забавы, игрища; особенно в Устюге, кажется, живешь еще в блаженные времена русских сказок»².

Приняв на себя сотрудничество в «Энциклопедическом лексиконе» и переключившись на занятия отечественной историей и этнографией, Н.И. Надеждин нашел в Вологде, особенно среди преподавателей гимназии, эн-

¹ Вологда // Энциклопедический лексикон. — Т. XII. — СПб, 1838. — С. 400.

² Вологодская губерния // Энциклопедический лексикон. — Т. XII. — СПб., 1838. — С. 416.

тузиастов краеведения, собирателей и исследователей бытующих в народе произведений устного поэтического творчества. Большой этнографический материал был предоставлен Н.И. Надеждину тогдашним инспектором Вологодской гимназии Ф.Н. Фортунатовым, вскоре принявшим на себя от ссыльного поэта В.И. Соколовского редактирование неофициальной части «Вологодских губернских ведомостей»¹.

В конце 30-х и начале 40-х годов Вологодская гимназия объединяет всю работу по изучению родного края. Учителям и смотрителям школ губернии Совет гимназии разослал циркуляры по собиранию местных материалов, в том числе этнографических сведений и текстов народных поэтических произведений². Значительный вклад в собирание и изучение устной народной поэзии вносят воспитанники гимназии, а затем и ее преподаватели Н.И. Иваницкий и Ф.Д. Студитский. С учреждением в 1838 году неофициальной части «Вологодских губернских ведомостей» появилась возможность публикации результатов собирательской деятельности местных краеведов. На страницах этой газеты печатаются тексты народных преданий, заговоров, поверий, старинных свадебных обычаев, образцы местных слов и выражений³, народное предание об Анике-воине, позже перепеча-

¹ Фортунатов Ф. Заметки и дополнения вологжанина к статье об А.И. Мельгунове: (Из запаса семейных бумаг и памяти) // Русский Архив. — 1865. — С. 947.

² П[огодин] М. Вологда // Москвитянин. — 1842. — Ч. IV. — №8. — С. 280.

³ Степановский И.К. Вологодские губернские ведомости в период 50-летнего их существования. 1838–1888 гг.: Указатель статей и заметок, относящихся к Вологодской губернии, помещенных в неофициальной части. — Вологда, 1888. — 96 с.

танное П.В. Киреевским¹. Учитель из Кадникова Е.В. Кичин охотно публикует образцы местных поверий («Окаменелая баба под Лисьей горой», «Травка-невидимка», «Медведь-проказник» и др.).

Идеологи официальной народности в 40-е годы проявляли особенно пристальное внимание к народной поэзии Вологодского края. М.П. Погодин и С.П. Шевырев один за другим совершили поездки по губернии. Желая иметь «мнение о самих себе, как о нации», интересуясь вологодскими древностями, они стремились привлечь на свою сторону и «почтенных ученых Вологды». Явно преувеличивая, С.П. Шевырев считал, что он нашел «здесь полное сочувствие к тому направлению... в науке и литературе», которому следовал сам².

На страницах «Москвитянина» активно выступал вологодский историк, известный археолог П.И. Савваитов (1815—1895). Еще в 1841 году он опубликовал «Песню про френцюзю»³, а затем несколько лирических, свадебных и исторических песен⁴. Это была всего лишь незначительная часть богатейшего собрания, который он намеревался положить в основу «Вологодского сборника». Ознакомившись в августе 1841 года с материалами П.И. Савваитова, М.П. Погодин утверждал, что у него «столь-

¹ Вологодские губернские ведомости. — 1841. — №35. — С. 253—257; Песни, собранные П.В. Киреевским. — Вып. 4 (доп.). — М., 1862. — С. 125—129, CXI—CXIII.

² Шевырев С. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь: Вакационные дни проф. С. Шевырева в 1847 году. — Ч. I. — М., 1850. — С. 106. Здесь же он дает текст двух вологодских песен (С. 97—98). По дороге в Кириллов записывает еще пять песен. См.: Шевырев С. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь... — Ч. II. — М., 1850. — С. 108—111.

³ Москвитянин. — 1841. — Ч. II. — №3. — С. 270—272.

⁴ Москвитянин. — 1841. — Ч. III. — №5. — С. 3—9; См. также: Савваитов П. Дорожные заметки: От Вологды до Устюга // Москвитянин. — 1842. — Ч. VI. — №12. — С. 310—336.

ко же собрано для Вологды, сколько у Мельникова для Нижнего, и было бы жаль, если бы они не исполнили своих обещаний»¹. Сообщая о народных песнях, обрядах, поверьях, собранных П.И. Савваитовым, М.П. Погодин публикует некоторые песни («Что на славной реке Вологде», «От поехал князь Михаило»), заговоры, легенду об Анике-воине².

П.И. Савваитова интересовали преимущественно «былины старого времени». По свидетельству собирателя, наиболее оригинальные образцы этого жанра сохранились в Вельском уезде: «Здесь все они, без исключения, называются былинами и рассказываются нараспев». Крестьяне охотно исполняют, но неохотно соглашались, чтобы записывали: «Ведь песня — быль, — говорят они обыкновенно, — а мало ли чего бывает? За иное и в суд ведут»³. В архиве собирателя сохранилась одна из самых ранних записей былины о Василии Буслаеве⁴.

Опубликованные П.И. Савваитовым записи выполнены филологически тщательно, с сохранением особенностей местного произношения. Он считает, что «в притчах и поговорках, равно как в пословицах, песнях, сказках и былинах, ярко обрисовывается характер и образ мыслей народа, его история, нравы, обыкновения, страсти, словом — весь народ в умственном, религиозном и политическом быту»⁵. Однако собиратель останавлива-

¹ М. П[огодин]. Вологда // Москвитянин. — 1842. — Ч. IV. — №8. — С. 258.

² Там же. — С. 251—252, 274—279. — 1843. — Ч. VI. — №II. — С. 244—246.

³ Савваитов П. Вологодские песни // Москвитянин. — 1841. — Ч. II. — №3. — С. 270—271.

⁴ См.: Русский фольклор. — Т. 2. — М., 1957. — С. 282—285.

⁵ Савваитов П. Вологодские песни // Москвитянин. — 1841. — Ч. II. — №3. — С. 270.

ется преимущественно на этнографических деталях, уходит от расстановки идейных акцентов.

Редактор «Москвитянина» в полемике с П.В. Киреевским, медлительность которого в издании русских народных песен он считал «гражданским преступлением», стремились использовать не только П.И. Савваитова. В 1842 году были опубликованы «Причитания невесты в Вологодской губернии», собранные учителем русской словесности Вологодской гимназии Н.А. Иваницким¹. В письме к М.П. Погодину автор публикации сообщал, что кроме свадебных причитаний им собрано «сотен до трех» песен и «штук до десяти сказок»². Встретившись с Н.А. Иваницким в Вологде, М.П. Погодин обнаружил в его собрании «несколько народных песен, и между прочим, одну бывальщину из времен Иоанна Грозного (так называют здесь исторические песни)»³.

Наиболее значительные результаты в собирании и изучении устной народной поэзии Вологодского края достигнуты были Ф.Д. Студитским (1814—1893). Деятельность его как верного последователя В.Г. Белинского во взглядах на народное творчество еще не оценена по достоинству, Ф.Д. Студитскому принадлежат не только ценные публикации народных песен Вологодской губернии, но и обоснование методов их собирания.

Еще до выхода в свет книги «Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний» В.Г. Белинский опубликовал собранные Ф.Д. Студитским вологодские песни («Собирался князь Михайло», «Как во городе было во Астрахани», «Ерема жил на горке» и другие) и упомя-

¹ Москвитянин. — 1842. — Ч. VI. — №12. — С. 474—489.

² Новиков Н.В. Н.А. Иваницкий и его фольклорное собрание // Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н.А. Иваницким в Вологодской губернии. — Вологда, 1960. — С. IV.

³ Москвитянин. — 1842. — Ч. IV. — №8. — С. 283.

нул, что пример И. Сахарова «благотворно действует на охотников до русских песен»¹.

Русская песня рассматривается Ф.Д. Студитским как «выражение русской души, ума, страстей, народной философии», как «выражение чувства отдельного человека», «заветной мысли об общественных событиях». Собираатель указывал на свое стремление бережно сохранить народные песни «в таком виде, как их поют». «Особенно драгоценными» он считает исторические песни и отбирает те из них, в которых выражен народный протест против насилия («Как во городе было во Астрахани»), отстаивает принцип историзма в изучении народных песен, выделяет «рассказ старинного происшествия» («Собирался князь Михайло»), представляющий «мрачную картину из семейной жизни наших предков».

Ф.Д. Студитский отмечал не только общественно-историческое значение народной поэзии, но и ее художественную самобытность, считал, что современная поэзия может искать новые формы в общении с устным творчеством народа, что поэты «изучат народный дух, ближе ознакомятся с характером народа и его творений».

Вслед за В.Г. Белинским Ф.Д. Студитский осуждает пассивность славянофилов в издании образцов русской народной поэзии. По его мнению, «каждый русский, как истинный сын отечества, не должен скрывать того, что обстоятельства позволили ему собрать», а должен «отдать свои труды отечеству, как его достояние»². Предостерегая от преждевременных обобщений в связи с неполными данными по народному творчеству, Ф.Д. Студитский приводит исключительно ценные сведения о бытовании устной поэзии в народе: «В Вологде летом на

¹ Отечественные записки. — 1841. — Т. XVI. — №5—6. — С. 55.

² Отечественные записки. — 1841. — Т. XVI. — №5—6. — С. 55, 56, 57.

многих дворах собираются девушки и молодцы, играют в хороводы и поют хороводные песни, целые ночи проводят в этих увеселениях; я с восторгом слушал очаровательные звуки их песен». В Псковской губернии собиратель уже не заметил ни «той живости в играх, ни той безотчетной веселости, ни той милой простоты, ни того разнообразия в играх и песнях»¹ — всего того, что он наблюдал в поэзии вологжан.

Собрание песен Ф.Д. Студитского — чрезвычайно ценное издание как по своему художественному уровню, так и по научной тщательности подготовки текстов. Все песни записаны «с голоса и со слов жителей». Собиратель высоко ценит оригинальность создаваемых народом поэтических произведений, природную талантливость исполнителей. В сборник «Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний, собранные Ф. Студитским» (1841) вошло 123 песни, записанных в Вологодской губернии. Обращая особое внимание на хороводные песни, выделяя из них сборные, парные, протяжные, Ф.Д. Студитский сопровождает публикации обстоятельной статьей о хороводных песнях Вологодской губернии.

«Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний» — первый опыт собрания песен по областному принципу. Ф.Д. Студитский и в дальнейшем полемизировал с И. Сахаровым, считая необходимым указывать место и время записи народных текстов. Правда, и сам он еще не был до конца последовательным. В книге «Народные песни, собранные в Новгородской губернии Ф. Студитским» (СПб., 1874) место записи каждого отдельного текста, как и в первом сборнике, не уточнено.

¹ Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний, собранные Ф. Студитским. — СПб., 1841. — С. II, III, IV.

СобираТЕЛЬские и исследовательские позиции Ф.Д. Студитского были активно поддержаны В.Г. Белинским, видевшим в собирателе большого знатока своего дела¹.

Сборник Ф.Д. Студитского, в котором впервые так широко представлена народная песня Вологодского края, стоит у самых истоков собирания и изучения устной поэзии русского народа, является значительным вкладом в науку, сделанным в первой половине XIX века. Устная поэзия становилась в это время просторным полем для деятельности молодых ученых-вологжан. Их усилиями были собраны на территории Вологодской губернии ранние образцы свадебных песен и причетов, народных преданий и легенд, былин и «бывальщин». Отмечая богатство русской народной поэзии, ее широкое бытование в народе, эстетическую ценность, вологодские фольклористы стремились не только обобщить первые итоги собирательской деятельности, но и высказывали ценные для изучения устной народной поэзии наблюдения в то время, когда «всем этим занимались еще очень мало и немного и когда понятия обо всем этом были очень туманны»².

III.

Широкий разворот приобретает собирательская деятельность во второй половине XIX века. Этнографический отдел Русского Географического общества, основанного в Петербурге в 1846 году, объединяет усилия и вологодских исследователей жизни и быта народа, соби-

¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. — Т. V. — М.: Изд-во АН СССР, 1954. — С. 477, 478.

² Срезневский И.И. Труды П.И. Савваитова // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. — Т. X. — 1873. — С. XIV.

рателей устно-поэтических текстов. Интерес к быту народа и его поэзии становится массовым, расширяется социальный круг собирателей, среди которых теперь преобладают разночинцы (П.С. Воронов, Е.В. и В.Е. Кичины, В.Т. Попов, Н. Четверухин, М. Баргенов, Н. Ордин и др.). Среди новой плеяды собирателей и исследователей интересом к изучению былинных традиций, исторического эпоса выделяется вологодский учитель, впоследствии известный русский педагог Н.Ф. Бунаков (1837–1904)¹. «Деревня давала мне, — вспоминает он об этом времени, — много интересных наблюдений над народной жизнью, бытом и нравами крестьянства, над народной речью, которую я легко усвоил. Я записывал песни, сказки, бывальщины, слова и выражения народного языка»².

Произведения устной народной поэзии печатаются в местных краеведческих изданиях, особенно на страницах неофициальной части «Вологодских губернских ведомостей», и, благодаря усилиям собирателей-вологжан, становятся достоянием исследователей. Немало рукописей от вологодских краеведов получало Русское Географическое общество, объединившее деятельность этнографов всей страны. Из Кадникова поступали материалы от Е. Кичина, из Череповецкого уезда — от Н. Чернышева. В Белозерском уезде записывал тексты произведений устной народной поэзии Н. Богословский³. Значитель-

¹ Бунаков Н. О русских исторических песнях ига монгольского // Вологодские губернские ведомости. — 1854. — №№38–39. — С. 405–409; 415–419; Два образчика изустного старорусского эпоса // Русское слово. — 1856. — №1. — С. 87–94.

² Бунаков Н.Ф. Моя жизнь. — СПб, 1909. — С. 35.

³ Богословский Н. Материалы для истории, статистики и этнографии Новгородской губернии, собранные из описаний приходов и волостей: Белозерский уезд // Новгородский сборник. — 1865. — Вып. I. — С. 283–298.

ную часть своих вологодских записей передал обществу П.И. Савваитов, а заговоры, записанные им в различных уездах Вологодской губернии, вошли в «Великорусские заклинания» (1869) Л.Н. Майкова. Образцы вытегорского говора изучал И.И. Лабардин, публикуя песни, загадки, пословицы и поговорки¹. Своих корреспондентов в Вологодской губернии имел В.И. Даль и использовал их материалы в «Пословицах русского народа».

Тысячи текстов народных произведений, накопленные П.В. Киреевским, все еще не появлялись в печати². В этих условиях особенно актуальным становилось использование собраний архива Русского Географического общества для создания первых сводов народной поэзии различных жанров.

Начиная с 1855 года, выходят первые выпуски свода А.Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в котором впервые так широко представлены и вологодские тексты сказок о животных («Лиса-повитуха», «Кот, петух и лиса», «Кот и лиса», «Свинья и волк», «Журавль и цапля», «Байка о щуке зубастой»), волшебных сказок («Морозко», «Перышко Финиста ясна Сокола», «Чудесная дудка»), новеллистических («Сказка о злой жене»), документных сказок и анекдотов. Снабженные обстоятельным комментарием «Народные русские сказки» А.Н. Афанасьева открывали новый этап в истории русской науки об устной

¹ Лабардин И.И. Образцы вытегорского говора // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. — Т. II. — СПб., 1853. — С. 226—234.

² В сборники «Песни, собранные П.В. Киреевским» вошли наиболее ранние записи вологодских песен: «Аника-воин» (Вып. 4. — 1862), «Князь Михайло» (Вып. 5. — 1863), «По питерской дорожке ехали обозы», «Собиралася купавушка», «Что на славной реке Вологде» (Вып. 6. — 1864) и др.

народной поэзии, утверждали демократическую линию в ее собирании и издании.

Собранные «низовой» интеллигенцией тексты народных произведений входят и в другие общерусские своды. В книге «Песни, собранные П.Н. Рыбниковым» печатаются тексты былин «Добрыня и сила неверная», «Добрыня и смерть», записанных в Вытегорском уезде (Ч. II. — 1862), вытегорские песни и свадебные причеты (Ч. III. — 1864. — Ч. IV. — 1867).

Первую сотню тотемских и вытегорских загадок обнародует Д. Садовников («Загадки русского народа», 1876). Исторические песни из Кирилловского уезда, собранные Л.Н. Майковым, входят в сборник «Русские народные песни, собранные П.В. Шейном» (1877). Уроженец Череповца Е.В. Барсов издает «Причитания Северного края», включая в них похоронные (Ч. I. — 1872) и рекрутские (Ч. II. — 1882) плачи, записанные в родном ему уезде. Публикует Е.В. Барсов также предание о Петре Первом и вытегорах-«камзольниках»¹.

Появление в печати нового фактического материала, «громкая масса местных описаний, где народный быт рисуется в целой картине его внешней обстановки, с его историческим прошлым, нравами и обычаями, преданиями и народной поэзией» — все это стало основой «для новых исследований, о которых едва помышляла прежняя этнография»².

Этнографическое изучение преобладало в эти годы над интересом к живому творчеству народа. Описывались и изучались преимущественно явления быта, осо-

¹ Барсов Е. Петр Великий в народных преданиях Северного края // Беседа. — 1872. — №5. — С. 295—309.

² Пытин А.Н. История русской этнографии. — Ч. II. — СПб., 1891. — С. 53.

бенно народные обычаи и обряды¹. В тексты этих описаний вводились и оригинальные народные произведения, но они никак не охватывали всего идейно-художественного и жанрового многообразия устной народной поэзии края. Так, в этнографическом и историческом описании Кокшеньги, составленном В.Т. Поповым, содержится лишь упоминание о легендах и преданиях. Сохранившееся среди тотемских крестьян предание о Тимофее Ермаке и его сыне как жителях починка Тимошкино дается в авторском изложении, утрачивающем народные характеристики².

Находясь в 60-х годах в Вологодской ссылке, Н.В. Шелгунов осуждал «любителей» народа, которые ходили по деревням, собирали песни, сказки, но не интересовались тем, как живет население. «Сегодня еду на деревенский девичник, — писал Н. В. Шелгунов из Тотмы 16 января 1865 года, — хотя это и не нужно для статьи, но может и пригодиться. Бытовой стороны я вообще не касаюсь — тоска, а исключительно экономической и социальной».

Вологодская губерния, растянувшаяся почти на тысячу верст, в его характеристике — «бедна, дика и пустынна», крестьяне в ее землях получают жалкие урожаи и вынуждены использовать лес «для получения хлеба». Исколесив в качестве поднадзорного почти всю губер-

¹ Кичин Е. Старинный свадебный обычай // Вологодские губернские ведомости. — 1853. — №34. — С. 294–295; Свадьба на Вохме: (Из записок землемера Паули) // Там же. — 1854. — №№2, 3. — С. 12–16, 27–29; Попов В. Описание Кокшеньги // Там же. — 1857. — №20–24. — С. 119–121, 127–130, 135–138, 143–146, 151–153; Кичин В. Свадебные обряды в Васьяновской волости Кадниковского уезда // Там же. — 1860. — №53. — С. 373–375. — №8. — С. 56–58 и др.

² Попов В.Т. Предания в Тотемском уезде о Ермаке, завоевателе Сибири // Вологодские губернские ведомости. — 1898. — №47. — С. 4–5.

нию (Тотьма, Устюг, Никольск, Кадников), Н.В. Шелгунов был поражен горькой нищетой населения, видел, что беднота питается шлохо, спит вповалку, укрываясь ватником или тулупом. Не раз писал он и о большой одаренности простого народа, его душевной красоте, брал под защиту активных носителей народной поэзии — вологодских кружевниц¹.

Революционно-демократические взгляды на устную народную поэзию, развитые Н.А. Добролюбовым, реализуются в деятельности собирателей-исследователей 60-х годов, рассматривающих творчество народа в связи с его жизнью, историей, социальными и эстетическими идеалами. Передовые демократические взгляды этих лет в собирании и изучении народной поэзии Вологодского края нашли выражение в работах В. Александрова и Н.С. Преображенского, опубликованных на страницах журнала «Современник». Еще в очерке «Вологодская свадьба» В. Александров, публикуя записанные в Вологодском уезде в 1861 году свадебные песни и причеты, приводит чрезвычайно ценные сведения о своеобразии свадебного обряда, его экономической основе и эстетической цельности, об отличии свадьбы крепостных и так называемых «вольных» крестьян. «Случалось так, — рассказывает В. Александров, — что господа призывали к себе жениха, а чаще всего его отца и приказывали ему женить сына, и сами назначали ему невесту. Такую же власть имели приказчики и управляющие. И потому свадьбу тогда играли кое-как, с горем пополам, без соблюдения всех свадебных обрядов, так сказать на скорую руку... Нечего и

¹ Шелгунов Н. Домашняя летопись // Русское слово. — 1865. — №2. — С. 29—74; Провинция // Русское слово. — 1865. — №1. — С. 125—165. — №2. — С. 29—74; Вологодские кружевницы // Дело. — 1867. — №11. — С. 201—220.

говорить сколько было тогда слез у невесты и ее родных, сколько причетов, выражающих горе, сколько жалоб на житье на чужой стороне, у грозного мужа и лютой свекрови». Но не только в этих случаях причеты преобладали над свадебными песнями. В Вологодском уезде, по словам исследователя, «невесты и подружки ее больше причитают или лучше сказать, **воют причеты**».

Призывая спешить собирать «старинные народные создания», В. Александров отмечает перемены в поэтическом репертуаре народа, исчезновение многих произведений и замену их «произведениями нового времени»: «Я вывожу это заключение из того, что большая часть народных песен Вологодской губернии, изданных в 1841 году и собранных Ф. Студитским в той же местности, где я собирал, в 20 лет забыты крестьянами и заменены другими, отчасти даже стихотворениями известных напих поэтов».

В. Александров не только тщательно записывал народные тексты, но и связывал их с жизнью и бытом народа, делая вывод, что сравнение записей разного времени дает возможность «судить о характере и духе народа и его нравственном направлении»¹.

Описывая уже на страницах «Современника» деревенские посиделки и сообщая тексты сопровождающих игры песен, В. Александров опять обращает внимание на те процессы, которые происходят в бытовании народной поэзии и свидетельствуют о переменах в «поэтических или песенных вкусах народа». Сопровождающие хором песни забываются (только в глуши «еще кое-что уцелело из описанного Студитским в его сборнике»), начинают преобладать игры, в которых ощущается влияние

¹ Александров В. Вологодская свадьба // Библиотека для чтения. — 1863. — №5. — С. 3, 4.

городских обычаев («Городское влияние выводит прежние песни и прежнюю живость хоровода»), деревенская молодежь усваивает «сочиненные песни», романсы «из молчановских песенников и даже из стихотворений Пушкина, Лермонтова и Кольцова». Чрезвычайно интересны наблюдения об исполнении на посиделках коротких песен любовного содержания. Автор как бы присутствует при зарождении того жанра, который позже получил название частушки¹.

Сотрудники «Современника», изучая жизнь и быт народа, не проходили мимо классовой природы той среды, в которой бытует народная поэзия, отмечали социальную неоднородность ее носителей.

Взаимосвязи поэтического творчества народа и его быта, нравов и обычаев интересовали и другого корреспондента «Современника» — Н.С. Преображенского. Тщательно описывая святочные игрища, «кудеса» «дальнего захолустья» (село Никольское, Кадниковского уезда), он видит в народных обычаях «много прекрасного, гуманного, радушного», но не скрывает и темных сторон народной жизни, поразившего его сочетания честности, трудолюбивости народа с его «странностью и дикостью». В «кудесах» и игрищах наблюдается размах «природной веселости, склонности к шуткам, к комическому», принимающий слишком «откровенные» формы: «если эти шутки выходят порою очень грубы и довольно грязны, то это зависит от неразвитости. Коснется развитие этих людей, и они будут выводить кудеса, но только не такие, какие выводят теперь»².

¹ Александров В. Деревенское веселье в Вологодском уезде // Современник. — 1864. — Т. СIII. — №7—8. — С. 169—200.

² Пре[ображен]ский Н. Баян, игрище, слушанье...: Этнографический очерк Кадниковского уезда // Современник. — 1864. — Т. CIV. — Октябрь. — С. 501; Ему же принадлежит и статья: Пр-ский Ив. Сельский

Н.С. Преображенский, выдававший себя за коренного бурсака, племянника пономаря села Никольского, был активным сотрудником «Современника», сторонником передовых демократических идеалов. И в стремлении «передать факты в том виде, в каком они представляются наблюдению», и в их осмыслении он выявляет себя как последователь революционных демократов¹.

Немалый вклад в собирание и изучение народной поэзии Вологодского края внесли в 60—80-е годы политические ссыльные. Особенно следует отметить собирательскую и этнографическую деятельность Г.Н. Потанина в Никольском уезде (1872—1874). Как и Н.В. Шелгунов, он с горечью пишет о нищенском быте, бедности крестьян Никольского и Тотемского уездов, тяжелом положении женщины. Публикуя образцы народной речи, пословицы, поговорки, прозвища, приметы, произведения детского творчества², Г.Н. Потанин особенно выделял сатирические песни и прибаутки. В деревне Аксеньевой под Никольском им записаны чрезвычайно интересные варианты сказки о Ерше и народной драмы «Мнимый барин»³.

Местных краеведов по-прежнему привлекают свадебные обряды, песни и причеты, отмечается своеобраз-

праздник: (Этнографический очерк Кадниковского уезда) // Современник. — 1865. — №2. — С. 409—445.

¹ Минц С.И., Савушкина Н.И. Народное устное поэтическое творчество Вологодской области // Сказки и песни Вологодской области. — Вологда, 1955. — С. 12.

² Потанин Г. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы // Живая Старина. — 1899. — Вып. 1. — С. 23—60. — Вып. 2. — С. 167—235.

³ Потанин Г.Н. Песни и прибаутки // Живая Старина. — 1899. — Вып. 4. — С. 519—525. См. также: Потанин Г.Н. Никольский уезд и его жители // Древняя и новая Россия. — 1876. — №10. — С. 136—156.

зие их в различных уездах¹. Пожалуй, ни один край не имеет таких обстоятельных описаний традиционной крестьянской свадьбы с ее плачами и песнями, как вологодский. Отмечая исключительную сохранность и художественную яркость этих обрядов, К.А. Попов на заседании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в 1874 году призывал к изучению еще не освоенного богатства «замечательных произведений поэзии», указывал «на целые гнезда свадебных песен, причетов и припевов, до сих пор раздающихся в многочисленных захолустьях Вологодской губернии».

Во второй половине 70-х годов выходит сборник череповецкого учителя Ф. Лаговского, включающий в себя посиделочные, хороводные и плясовые песни, записанные в Вологодском и Череповецком уездах. Еще Ф.Д. Студитский писал, что в записанных им песнях «так много чувства, так много игры голосом — звуками, что талантливый композитор мог бы создать несколько оригинальных музыкальных пьес, которые встретили бы более сочувствия у русских, нежели иностранные»². Ф. Лаговский не только тщательно записал тексты народных песен, но и «положил их на ноты», стараясь «по возможности точно передать местный выговор и напев»³.

¹ Попов К.А. Заметки о свадебных песнях и обрядах в Вологодской губернии // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. — Т. XIII. — Вып. I: Труды этнографического отдела. — Кн. 3. — Вып. I. — М., 1874. — С. 64—68; Некрасов А.П. Свадебные причитания: (В Черной слободе Вытегорского уезда) // Олонекский сборник. — Вып. I. — Петрозаводск, 1875—1876. — С. 145—168 и др.

² Народные песни, собранные в Новгородской губернии Ф. Студитским. — СПб., 1874. — С. 6.

³ Народные песни Костромской, Вологодской, Новгородской, Нижегородской и Ярославской губерний, собранные и положенные на ноты учителем пения при Череповецком техническом училище Ф. Лаговским. — Вып. I. — Череповец, 1877. — С. I.

В начале 80-х годов усиливается приток фольклорно-этнографического материала на страницы «Вологодских губернских ведомостей», неофициальная часть которых была возглавлена в 1879–1886 годах Н.А. Полиевктовым. Стремясь усилить «местно-описательный» характер корреспонденций, Н.А. Полиевктов считал, что газета должна иметь своей целью «возможно полное, всестороннее ознакомление как с природою губернии, так и с типическими чертами ее населения». Для этого он составил программу «Несколько слов о характере и значении местной корреспонденции для неофициальной части губернских ведомостей», а затем выступил со статьей «Указания на характер корреспонденций, желательных для неофициальной части «Вологодских губернских ведомостей», в которую вошла и программа Русского Географического общества по собиранию этнографических сведений¹. Большая группа этнографов, собирателей и исследователей устной народной поэзии края (Ф.А. Арсеньев, М.М. Кукулин, П.А. Обнорский, А.А. Шустиков) активно выступала в эти годы на страницах «Ведомостей» с ценными публикациями и этнографическими очерками, которые перепечатывались затем «Вологодским статистическим сборником»². Особенно значитель-

¹ Вологодские губернские ведомости. — 1879. — №19. — 1880. — №№57–59, 61, 65, 67–78. Отд. изд.: Руководство к собиранию корреспондентских сообщений в редакцию неофициальной части Вологодских губернских ведомостей. — Вологда, 1880.

² Арсеньев Ф. Крестьянские игры и свадьбы в Янгосоре Вологодского уезда: Бытовой этюд // Вологодские губернские ведомости. — 1879. — №№40–42, 62, 64, 65; Народные песни, собранные в Вологодском и Грязовецком уездах П. Обнорским // Там же. — 1883. — №№16–18; Шустиков А. Троищина Кадниковского уезда: Этнографический очерк // Там же. — 1883. — №№11–13; Обнорский П.А. Пословицы и поговорки Вологодского и Грязовецкого уездов // Там же. — 1888. — №№9, 11–15, 20. — 1889. — №4–7 и др.

ный научный вклад в собирание и изучение устной народной поэзии края сделан был в это время Н.А. Иваницким (1847—1899), известным ботаником, поэтом, этнографом, человеком передовых убеждений и разностороннего образования. Его связи с революционно-демократическими кругами столицы не прошли незамеченными. Он был арестован, а летом 1868 года сослан в родную губернию «под строгий надзор местных властей» и «бдительный надзор со стороны корпуса жандармов». Часто меняя местожительство, кочуя по губернии, Н.А. Иваницкий усиленно занимается ботаникой, а с начала 80-х годов начинает собирать этнографический материал и особенно русские народные песни.

Получив из села Кубенского несколько народных песен, Н.А. Иваницкий был поражен их «оригинальной прелестью». Много новых песен узнал он и от своего друга, вологодского учителя и детского писателя М.М. Куклина, а в конце 1882 года познакомился с известными вологодскими кружевницами А.Ф. и С.П. Брянцевыми, которые сохранили, по его словам, в своей «поистине изумительной памяти неистощимый запас народных песен и пословиц»¹. А.Ф. Брянцева провела молодость в селе Несвойском Вологодского уезда, была замечательной исполнительницей народных песен. Не уступала ей и ее дочь С.П. Брянцева. Осенними и зимними вечерами 1882 года Н.А. Иваницкий систематически вел от них записи. К концу этого года был собран обширный материал и в Русское Географическое общество направлен большой сборник сказок (13), перегудок (19), загадок (110), заклинаний (18), пословиц и поговорок (1139), песен (441).

¹ Новиков П.В. Н.А. Иваницкий и его фольклорное собрание // Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н.А. Иваницким в Вологодской губернии. — Вологда, 1960. — С. XXI.

Значительная часть этих текстов была записана от Брянцевых. Кроме того, Н.А. Иваницкий собирал и устно-поэтические произведения по деревням во время своих ботанических экскурсий, несколько песен ему сообщили М.М. Куклин, В.П. Черняев, Д.М. Кичанов. Рукопись эта не была опубликована и лишь частями печаталась в «Вологодских губернских ведомостях». В основу рукописного сборника песен, переданного в 1887 году Я.К. Гроту, также положены тексты, записанные от Брянцевых. Вскоре Н.А. Иваницкий становится вкладчиком обширного собрания П.В. Шейна и направляет ему в 1891 году новый сборник народных произведений, записанных в Вологодской губернии.

Часть записей Н.А. Иваницкого в 1890 году была издана отдельной книгой. Ее название — «Материалы по этнографии Вологодской губернии». После выхода в свет она сразу же встала в один ряд с классическими собраниями устно-поэтического творчества русского народа.

В этнографической и собирательской деятельности Н.А. Иваницкого, сложившегося под воздействием революционной идеологии 60-х годов, выражаются передовые взгляды на народ и его устное творчество. В своих «Материалах» он отмечает крайнее разорение вологодских уездов, познавших «долговременное крепостное право» и «эксплуатацию кулаков». Растущее обнищание северных деревень связывается с наступлением капитала, поборами промышленников и ростовщиков, купцов и кулаков. Резко высмеивает Н.А. Иваницкий дворянство и духовенство, собирает народные произведения, в которых они выглядят «с весьма непривлекательной стороны», показывают «враждебное отношение крестьян к бывшим помещикам и богатому духовенству». Обладая, по свидетельству современника, «редкой способностью

сближаться с простыми людьми, с крестьянами», Н.А. Иваницкий был полон большой любви и уважения к своему трудолюбивому, талантливому народу, тяжело переживал его обездоленность.

«Материалы» Н.А. Иваницкого открываются обширным этнографическим очерком, в котором в тесной связи с бытом и трудом народа предстают приметы, прозвища, пословицы и поговорки, фрагменты песен, местные обиходные речения, названия бытовых предметов и явлений, описания нравов и обычаев, календарных, свадебных и похоронных обрядов, посиделок и игрищ, суеверий. Весь этот устно-поэтический материал тщательно отбирается, подчиняется раскрытию социальной и нравственной обстановки народной жизни.

Во втором разделе «Материалов» публикуются тексты народных произведений: заговоры (33), приметы, детские игры, драма «Лодка», сказки и легенды (55), записанные в основном от двух сказочников — Николая Васильянова и Василия Кореникова, перегудки, песни (52), в приложении к которым опубликованы напевы, записанные М.М. Куклиным.

Этнографическая и собирательская деятельность Н.А. Иваницкого продолжалась и в 90-х годах. Как этнограф, он активно выступал на страницах «Этнографического обозрения» и «Живой Старины», составил сборник пословиц и поговорок, сборник загадок. Оба эти сборника, к сожалению, остались в рукописи. Сводное издание материалов, собранных Н.А. Иваницким, увидело свет только в советское время. Исследователь богатейшего собрания Н.А. Иваницкого Н.В. Новиков отмечает особое внимание собирателя к народной песне и отражению в ней духовной жизни народа, его эстетических вкусов. Н.А. Иваницкий фиксировал те перемены, которые про-

исходили в песенном репертуаре вологодского крестьянина. Одним из первых отметил он появление в народе частушки, определив ее как песню, которая «поется не на голос, не протяжно, а часто почти речитативом», как короткое произведение, состоящее из отдельных, несвязанных между собою стихов одинакового размера¹.

Подвижническая собирательская и исследовательская деятельность Н.А. Иваницкого пронизана неподдельной любовью к народу и родному Северному краю. Он внес значительный вклад не только в изучение жизни и быта народа, устной поэзии Вологодской губернии, но и в историю русской фольклористики, обогатил ее обширным и ценным собранием народно-поэтических произведений всех жанров, глубоко, с передовых демократических позиций осмыслил их бытование в народе.

IV.

На рубеже двух веков русская наука о народном творчестве вступает в период наиболее интенсивной деятельности, опираясь на уже собранный большой фонд устных произведений, ставший источником исследования народной словесности в связи с социально-экономическими условиями жизни и быта народа. Если идейное изучение устной поэзии выражается на этом этапе в весьма «противоречивых очертаниях», нередко уклоняясь от передовых взглядов, то «фактические результаты, внесение в научный оборот огромнейшего количества материала, собранного на основе применения подлинно» научных методов, разработка отдельных конкретных тем, постановка больших исторических и генетических про-

¹ Анализ собрания Н.А. Иваницкого см.: Новиков И. В. Указ. соч. — С. XXIV — XXVII.

блем — все это является положительным итогом, без учета которого было бы невозможно дальнейшее исследование»¹.

Устная народная поэзия Вологодского края входит в эти годы в круг интересов таких крупнейших собирателей и исследователей народного творчества как А.И. Соболевский, П.В.Шейн, В.Ф. Миллер, Л.Н. Майков, А.В. Марков, Д.К. Зеленин, Е.Э. Линева, Е.Н. Елеонская, Б.М. и Ю.М. Соколовы и др. В Вологодском крае работает большая группа собирателей устно-поэтических произведений и этнографов, сложившихся под влиянием Н.А. Иваницкого. Многие из них сотрудничали вместе с ним и испытали сильное влияние его личности и научных интересов². Активно выступали как этнографы С.А. Дилакторский (1858—1920), П.А. Дилакторский (1862—1910), М.М. Кушлин (1845—1896)³ и особенно А.А. Шустиков (1859—1927)⁴.

Сын крестьянина деревни Хмелевской Кадниковского уезда А.А. Шустиков уже в 80-е годы выступил как талантливый этнограф, труды которого удаивались вы-

¹ Азадовский М.К. История русской фольклористики. — Т. II. — М.: Учпедгиз, 1963. — С. 242, 316, 322.

² Веселовский А., Веселовский А. Вологжане-краеведы: Источники словаря. — Вологда, 1923. — С. 17, 28.

³ Дилакторский П.А., Дилакторский С.А. Свадебный день в Кадниковском уезде // Вологодские губернские ведомости. — 1890. — №№42, 44—46, 48, 50; Свадебные обычаи и песни в Тотемском уезде // Этнографическое обозрение. — 1899. — №3. — С. 160—165; Из преданий и легенд Кадниковского уезда // Там же. — 1899. — №3. — С. 172—174; Свадебные обряды Вологодской губернии // Там же. — 1903. — №1. — С. 25—51; Кушлин М. Свадьба у великоруссов // Этнографическое обозрение. — 1900. — №2. — С. 79—114.

⁴ Шустиков А. Народные игры в Кадниковском уезде // Живая Старина. — 1895. — Вып. 1. — С. 86—100; Сказания и сказки Вельского уезда // Там же. — 1895. — Вып. 2. — С. 203—211. — Вып. 3—4. — С. 419—429 и др.

соких оценок Русского Географического общества, членом которого он состоял.

Великолепно зная народный быт родного уезда, он изучал обряды, обычаи, заговоры, народные игры, старинные предания, песни и особенно сказки. Значительная часть записанных А.А. Шустиковым сказок, песен, загадок, свадебных причетов еще не опубликована и хранится в архиве Вологодского общества изучения Северного края.

Интересные публикации по Череповецкому уезду принадлежат В. Антипову, М. Герасимову, по Кадниковскому — А. Балову и Л. Неуступову, по Устюженскому — М. Синозерскому, по Вытегорскому — Т. Репникову и А. Мельницкому. Многочисленные издания предпринимает А.Е. Бурцев («Деревенские сказки крестьян Вологодской губернии», 1895; «Сказки, рассказы и легенды крестьян Северного края», 1897; «Народный быт великого Севера». — Т. I—III. — 1898 и др.). Однако все они носят дилетантский характер и лишены сколько-нибудь значительного научного интереса.

Этнографические материалы и записи устно-поэтических народных произведений из Вологодской губернии часто появляются на страницах журналов «Этнографическое обозрение» и «Живая Старина». С 1909 года собирательская и этнографическая деятельность в крае объединяется Вологодским обществом изучения Северного края.

Предпринимается не одна экспедиция в поисках былин. А.В. Марков, совершив поездку по Тотемскому уезду в 1888 году, слышал былину о Ермаке¹.

Л.Н. Майков публикует новые записи заонежских былин, сделанные в Вытегорском уезде («Былина про

¹ Этнографическое обозрение. — 1889. — №3. — С. 187.

Добрыню и Илью Муромца», «Отчего богатыри перевелись на святой Руси?» и др.) и три былины, записанные в Вологодской губернии и сохранившиеся в рукописи 1803 года («Илья Муромец с Добрыней на Соколе-корабле», «Добрыня и Марина», «Князь Михайло Скопин»)¹. Увидела свет и былина «Илья Муромец, Добрыня Никитич и Кузьма Семерчанинович», записанная в вытегорской деревне Сойда². В конце 90-х годов организатор первых марксистских кружков в России Н. Федосеев, скитаясь пешком по этапам вологодской ссылки, записывает еще одну былинку и несколько исторических песен, отмечая, что они «в высшей степени интересны»³.

Былина однако становится редким явлением на обширной территории Вологодского края. Записи этого жанра идут преимущественно из Вытегорского уезда. Даже в Вельском уезде, где былинные традиции были сильны в начале века, собиратели уже не находят ярких образцов этого жанра. Былина об Илье Муромце, слышанная здесь А.А. Шустиковым, «мало помалу стала терять свою первичную форму и превращаться в сказку»⁴. Лишь угасающие остатки былин застали в Белозерском крае Борис и Юрий Соколовы.

По-прежнему исключительно богаты публикации вологодских народных песен в ранних и позднейших за-

¹ Майков Л. Елде былины в записи из Заонежья // Русский филологический вестник. — 1885. — Т. XIII. — №1. — С. 50–55, 58–60; Он же. Три былины из старинного русского сборника // Живая Старина. — 1890. — Вып. 1. — Отд. II. — С. 1–4.

² Живая Старина. — 1906. — Вып. II. — С. 81–84. См. также: Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н.С. Тихонравова и В.Ф. Миллера. — М., 1894. — Отд. II. — С. 56–59, 63–65.

³ Федосеев Н. Статьи и письма. — М.: Госполитиздат, 1958. — С. 257.

⁴ Шустиков А. Из письма к редактору // Живая Старина. — 1896. — Вып. 2. — С. 144.

писях¹. Причем, вологодская песня начинает изучаться с музыкальной стороны, записываются напевы песен. Летом 1893 года Ф.М. Истомина и С.М. Ляпунов по поручению Русского Географического общества записывали преимущественно в восточных районах губернии русские народные песни с напевами. Собиратели, однако, не стремились сблизиться с народом, их экспедиция носила официальный характер, что во многом обесценивает ее результаты. «Старые песни», по мнению Ф.М. Истомина, исчезли из обихода, «их можно услышать лишь по заказу». «Позднейшие варианты старинных песен», по словам С.М. Ляпунова, «представляются в мелодическом и ритмическом отношении менее развиты и страдают примесью посторонних элементов»². Твердя об упадке народной песни, собиратели противоречили самим себе, публикуя в «Песнях русского народа» свыше сотни свадебных, рекрутских, похоронных причетов, свадебных, хороводных, обрядовых, любовных и семейных песен и

¹ Белоруссов Н. Об особенностях в языке жителей Вологодской губернии // Русский филологический вестник. — Варшава, 1887. — Т. XVIII. — №4. — С. 193—205, 253—289. (Кроме сказок, бывальщин, пословиц и загадок, записанных в Великоустюгском уезде, печатается двадцать две записи великоустюгских и тотемских песен); Потов Н. Народные предания жителей Вологодской губернии, Кадниковского уезда // Живая Старина. — 1903. — Вып. 1—2. — С. 188—224. — Вып. 3. — С. 361—384. (Среди собранного в 1857 году и представленного Русскому Географическому обществу материала имеется шестьдесят записей свадебных и игровых песен) и др.

² Отчет об экспедиции для собирания русских народных песен с напевами в 1893 году Ф.М. Истомина и С.М. Ляпунова // Известия Русского Географического общества. — 1894. — Т. XXX. — Вып. 3. — С. 339, 350.

отмечая их хорошую, в сравнении с соседними губерниями, сохранность¹.

Особенно большую роль в собирании и изучении вологодских песен суждено было сыграть талантливой собирательнице Е.Э. Линевой. Публикуя белозерские песни еще в первом выпуске книги «Великорусские песни в народной гармонизации», Е.Э. Линева писала: «Для народного певца текст немыслим без напева, а напев без текста. Это правило должно быть священо и для собирателя»². Правилу этому собирательница следовала и во время своей экспедиции весной и летом 1901 года в Череповецкий, Кирилловский и Белозерский уезды для собирания и изучения особенностей северной русской народной песни³.

Е.Э. Линевой удалось собрать в Вологодском крае оригинальные образцы протяжных, свадебных, исторических, солдатских, семейно-бытовых и юмористических песен (всего двадцать четыре записи песен с нотами), зафиксированных от хоров, ансамблей и отдельных талантливых исполнителей, обстоятельная характеристика которых дается собирательницей. Е.Э. Линева отмечает сохранившееся в народе исключительное уважение к старой песне, ее художественную ценность. Рассматривая народную песню как «излияние души в поэтически музыкальной форме», Е.Э. Линева восхищается исполнительским мастерством народных певцов («легкость го-

¹ Песни русского народа, собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году / Зап. Ф.М. Истомин (слова), С.М. Ляпунов (напев). — СПб., 1899. — 279 с.

² Линева Е. Великорусские песни в народной гармонизации. — Вып.1. — СПб, 1904. — С. V.

³ Линева Е.Э. Деревенские песни и певцы: Из поездки по Новгородской губернии (по уездам Череповецкому, Белозерскому и Кирилловскому) // Этнографическое обозрение. — 1903. — №1. — С. 78—97.

лоса у Степана Китова казалась мне удивительной, иной оперный певец мог бы ему позавидовать»), отмечает большой музыкальный вкус народа, природное чувство прекрасного. Она страстно утверждает: «неверно, что народная песня погибла», «еще встречаются песни, поражающие красотой и оригинальностью своих напевов». На основе исследования череповецких, белозерских и кирилловских песенных образцов Е.Э. Линева делает теоретические выводы о музыкальном строении народной песни, выступает с оригинальными наблюдениями о своеобразии музыки и пения народа, о выражении в песне национальных черт, быта народа, его духовной жизни и душевного богатства. Высоко оценивая еще первый выпуск песен Е.Э. Линевой, В.В. Стасов считал, что «начинается заря какого-то сильного музыкального переворота», особенно для хоров, благотворного влияния народной музыки на творчество композиторов.

Собирая народные песни Вологодского края, Е.Э. Линева жила жизнью народа и убеждала других, что «только окунувшись в "гущу жизни", идя к крестьянам, как равный, без пренебрежения к их обычаям, их привычкам, собиратель может вполне вникнуть в их жизнь, их интересы, понять их горе и радости, только при уверенности в хорошем отношении крестьянин открывает свою душу в песне, поет с увлечением, и "песня родит песню"». Собирательница не проходит мимо нищеты, бедности, неприглядности жизни деревни («Земли мало, жить не на что». «У нас песни с голоду исдохли», — саркастически замечают крестьяне).

Трогательно, любовно рисует собирательница образы исполнителей песен: «Живой вереницей встанут в памяти моей певичы-импровизаторы, которыми имеет право гордиться наша родина. В рваных кафтанах, в домо-

тканых шароварах, на грязной работе потерявших всякий цвет, часто с нечесанной бородой и немытыми руками, полусмущенные и полугордые, стоят они, когда молва доводит до них собирателя, и, полные какой-то своеобразной, привлекательной грубости, точно оправдываясь, говорят: «Да что — ведь мы только свои деревенские песни и знаем», «Спеть-то, споем, да не будет ли нам чего за это?».

Народная песня притеснялась тупыми невежественными представителями власти. Рассказывая о поисках певцов в Великом Устюге, Е.Э. Линева вспоминает о встрече с городовым, который «с самодовольством верного исполнителя приказаний начальства отрапортовал: «Их нигде не найти-с! Как только где покажется слепец, мы его тотчас увольняем-с! Смута от них. Народ скопляется!»¹.

Еще В. Александров и Н.А. Иваницкий отметили зарождение в Вологодском крае нового песенного жанра — частушки. По словам Е.Э. Линевой, механическая «вертушка», часто с нелепым набором слов стала вытеснять к концу века старинную поэтическую песню. Впервые наиболее обстоятельно заговорил о частушке Глеб Успенский, посетивший летом 1889 года Череповецкий уезд и собравший здесь образцы этого нового жанра². Некоторые песни записаны самими крестьянами и доставлены писателю.

Рассматривая частушку как самостоятельный жанр народной поэзии, ставя ее в ряд с другими явлениями устно-поэтического творчества, писатель отмечает неис-

¹ Линева Е. Великорусские песни в народной гармонизации. — Вып. II. — СПб., 1909. — С. I, XXIII, XLVII, XXXII, XIV, XLVII.

² Успенский Гл. Новые народные песни: (Из деревенских заметок) // Русские ведомости. — 1889. — №110. — С. 2—3.

требимость творческой народной мысли: «Не из чего собрать и сложить народу песню, былинку, но создать «стишок», откликнуться на разнообразнейшие явления обыденной жизни, — от этого даже и утерпеть нельзя народу. И вот он создал так называемую «частушку»... и этими «частушками» откликается на каждую малость жизни, недреманно следя за всеми этими малостями... Собрал эти частушки с такою же тщательностью, как собираются статистические сведения обо всяких мелких подробностях хозяйства в крестьянском дворе, можно было бы иметь поучительный материал о широте духовной народной жизни. Частушки, собранные тысячами, сотнями тысяч, но разработанные соответственно тем сторонам народной жизни, которых они касаются, дали бы поистине прелестнейшую картину нравственной жизни народа». Цитируя образцы череповецких частушек, Гл. Успенский подмечает свежесть и силу народной души, выраженные в них. Писатель не только указал на «несметное количество» частушек, создающихся каждый день в каждой деревне, но и поставил задачу изучения отраженной в них духовной жизни народа¹.

Как разновидность современной песни, быстро откликающейся на все перемены народной жизни, объектом собирания и изучения становится и вологодская частушка. Собиратели нередко сетуют на «разложение» народной поэзии², но тем не менее охотно используют частушку, изучая современный быт вологодского крестьян-

¹ См.: Племянникова В. Статья Гл. Успенского о частушке // Художественный фольклор. — 1929. — Т. IV—V. — С. 160—166. В приложении опубликованы записи пятидесяти трех частушек и трех песен из Череповецкого уезда.

² Львов И. Новое время — новые песни: (о повороте в народной поэзии). — Великий Устюг, 1891. — 39 с.

ства и происходящие в нем перемены¹. Большой сборник череповецких и устюженских частушек публикует Д. Зеленин. Вологодские частушки входят в общерусские своды В.И. Симакова и Е.Н. Елеонской².

Народная поэзия Вологодского края широким потоком вливается в творчество всего русского народа. Богатый песенный репертуар вологжан широко представлен в сводах А.И. Соболевского «Великорусские народные песни» (Т. I–VII. — 1895–1902), П.В. Шейна «Великорусс» (1898–1900), Ф.М. Истомина и С.М. Ляпунова «Песни русского народа» (1899), М.Ф. Миллера «Исторические песни русского народа XVI–XVII вв.» (1915). В труд И.И. Ильюстрова «Сборник российских пословиц и поговорок» (1904) вошли и вологодские записи этого жанра. Русское Географическое общество издает большой «Сборник великорусских сказок», включающий в себя сорок восемь вологодских сказок³.

¹ Тарутин А. Черты современного быта и поэтического творчества вологодского крестьянства // Помочь. — СПб., 1892. — С. 130–148; Гарднер К. М. Песни-сбирушки в Череповецком уезде // Этнографическое обозрение. — 1897. — №2. — С. 104–113; Дилакторский П.А. Частушки или тарантушки, записанные в Двиницкой волости // Этнографическое обозрение. — 1898. — №1–2. — С. 339–343; Судakov И. Несколько замечаний об особенностях говора в Устюженском уезде. Частушки // Живая Старина. — 1903. — Вып. 4. — С. 441–460; Ильяминский Н. Отражение войны в вологодских частушках // Известия Вологодского общества изучения Северного края. — Вологда, 1915. — Вып. II. — С. 132–138. — 1916. — Вып. III. — С. 86–101; Палуянов А. Частушка как живой отзвук народной жизни // Известия Вологодского общества изучения Северного края. — Вологда, 1915. — Вып. II. — С. 120–128 и др.

² Зеленин Д. Сборник частушек Новгородской губернии: (По материалам из бумаг В.А. Воскресенского) // Этнографическое обозрение. — 1905. — №2–3. — С. 164–230; Симаков В.И. Сборник деревенских частушек. — Ярославль, 1913. — 671 с.; Сборник великорусских частушек / Под ред. Е.Н. Елеонской. — М., 1914. — 540 с.

³ Смирнов А.М. Сборник великорусских сказок архива Русского Географического общества. — Вып. I. — Пг., 1917. — С. 135–232, 290–334

Самым, наконец, значительным явлением на этом этапе собирания и изучения народного творчества Вологодского края стала книга Б.М. и Ю.М. Соколовых «Сказки и песни Белозерского края», вобравшая в себя громадный материал, собранный в 1908 и 1909 годах в Кирилловском и Белозерском уездах¹. Книга свидетельствует о широком бытовании в западной части Вологодского края народной сказки (в нее вошли 163 сказки, записанные от разных сказителей), эпической, обрядовой и лирической поэзии. Собиратели дают обстоятельное описание свадебного обряда с текстами сопровождающих его песен и причетов, публикуют рекрутские и похоронные причитания, детские, юмористические песни, частушки, пословицы, поговорки, загадки, заговоры. Наука еще не знала такого обстоятельного изучения одного края. Б. и Ю. Соколовы вводили в научный обиход ценнейший материал, раскрывая глубокие социальные противоречия в предреволюционной деревне, отношение народа к актуальным общественным событиям и явлениям. Не случайно сборник Б. и Ю. Соколовых с большим трудом увидел свет и разрешен был только для закрытого обращения.

«Жизнь движется вперед, — писали Б. и Ю. Соколовы, — важно наблюдать ее изменяющийся ход. Поэтому, записывая вековые старинки, традиционные сказки, древние песни, мы одинаково обращали внимание и на новые обряды, новые сказочные формулы, новые песни. В собранном нами материале можно найти выражение

(Записки Русского Географического Общества по отделению этнографии. — Т. XLIV).

¹ Сказки и песни Белозерского края / Зап. Б. и Ю. Соколовы. — М., 1915. — 466 с.

новых вкусов, стремлений и надежд современного крестьянства».

Собиратели обстоятельно описывают жизнь и быт белозерской деревни, изучают остатки былин и исторических песен, отмечают перемены в устно-поэтическом репертуаре народа, рисуют типы сказочников и характеризуют их сказки. Книга снабжена обстоятельным научным аппаратом и до сих пор остается образцом научного издания произведений народной поэзии. Продолжая самые передовые традиции в собирании и изучении поэзии народа, Соколовы связывают ее образцы с жизнью и бытом народа, его социальными чаяниями и эстетическими вкусами. Интерес к жизни и психологии народа, глубокая заинтересованность в его судьбах, делают книгу «Сказки и песни Белозерского края» не только значительным научным, но и общественным документом эпохи, реалистически воссоздающим жизнь предреволюционной деревни.

Среди собирателей и исследователей народной поэзии Вологодского края начала XX века выделяется М.Б. Едемский (1870—1933). Сын крестьянина села Кокшеньги Тотемского уезда, он трудно пробивал дорогу в науку, став уже в советские годы профессором геологии. Будучи народным учителем, М.Б. Едемский много сил и энергии отдавал собирательской деятельности и особенно этнографическому изучению родной Кокшеньги. Круг его интересов обширен и разнообразен. Он изучал говор местных жителей, крестьянские постройки на Севере, старинные кокшеньгские предания и поверия, народные обряды. Его «Свадьба в Кокшенье» — уникальное по научной тщательности и полноте описание свадебного обряда со всеми сопровождающими его песнями и причетами. М.Б. Едемский оставил ценные записи народных

игр и хороводов, лирических песен, припевок, загадок, высказал свои наблюдения об особенностях бытования различных жанров устной поэзии на Севере¹.

Особенно целеустремленно М.Б. Едемский собирал и изучал классическую народную сказку. Он принял активное участие в работе Сказочной комиссии, организованной в 1912 году при Русском Географическом обществе и возглавленной академиком С.Ф. Ольденбургим. В архиве этого общества и хранится значительная часть записей сказок, сделанных М.Б. Едемским.

Почти одновременно с Н.Е. Ончуковым и Д.К. Зелениным, М.Б. Едемский применил к сказкам те научные методы записи и изучения, которые впервые установлены были П.Н. Рыбниковым и Гильфердингом по отношению к былинам. Собиратель тщательно изучал личность сказочника, давал обстоятельные сведения о нем, характеризовал его манеру рассказывать, изучал условия бытования сказки, ее связи с бытом народа.

Раскрывая методы записывания сказки, М.Б. Едемский указывал на перемены «в укладе жизни народной»,

¹ Едемский М. Из кокшенигских преданий // Живая Старина. — 1905. — Вып. 1—2. — С. 102—106; Он же. Вечерование и городки (хороводы) в Кокшенигском Тотемского уезда: (Читано на заседании Русского Географического общества 1 апреля 1905 года) // Там же. — 1905. — Вып. 3—4. — С. 459—512; Он же. Загадки в Кокшенигском Тотемского уезда // Там же. — 1906. — Вып. 1. — Отд. II. — С. 69—74; Он же. Прозвища в Кокшенигском // Там же. — 1907. — Вып. 1. — Отд. V. — С. 2; Он же. Из кокшенигских преданий // Там же. — 1908. — Вып. 1. — С. 75—83. — Вып. 2. — С. 211—218; Он же. Припевки в Кокшенигском Тотемского уезда // Там же. — 1909. — Вып. 1. — С. 28—33. — 1910. — Вып. 1—2. — С. 108—120; Он же. Свадьба в Кокшенигском Тотемского уезда: (Читано на заседании Русского Географического общества 5 декабря 1908 года) // Там же. — 1910. — Вып. 1—2. — С. 1—48 (прил.). — Вып. 3. — С. 49—96 (прил.). — Вып. 4. — С. 97—137 (прил.); Он же. Семнадцать сказок, записанных в Тотемском уезде Вологодской губернии в 1905—1908 годах // Там же. — 1912. — Вып. 2—4. — С. 211—258.

приводившие к утрате того, что «сохранилось от старины». Отдавая преимущество старинной русской сказке, М.Б. Едемский, к сожалению, сознательно обходил сказки, которые, по его мнению, «были недостаточно старыми» как по содержанию, так и по манере повествования¹. Особенно не устраивали его «сказочники-балагуры», охотно вводившие в сказку события окружающей жизни.

Не прекращая собирательской деятельности и в советское время, М.Б. Едемский передавал эстафету преемственности в изучении народной поэзии края новым поколениям советских краеведов и исследователей творчества народа. Собрание и изучение устно-поэтических произведений на территории Вологодского края имеет богатую историю, свои сложившиеся традиции. До нас донесены те драгоценные образцы эпической народной поэзии, которая еще в начале XIX века широко бытовала в Вологодском крае. Бережно сохранены остатки календарной обрядовости, хороводов и игрниц. Описания семейных обрядов вологжан с их плачами и песнями стали классическими в науке о русской народной поэзии.

Богата по содержанию, жанрово многообразна, великолепна по поэтическому и музыкальному уровню вологодская песня — балладная, лирическая, хороводная, шуточная, сатирическая, колыбельная. Значительное место в репертуаре вологжан занимает сказка. Неисчерпаемы запасы частушек, мудрых пословиц, поговорок, загадок.

Все эти многообразные жанры русской народной поэзии свидетельствуют о талантливости народа, его природной чуткости к образному слову и тонкой музыкальной культуре. Собиратели и исследователи не только бережно сохранили лучшие образцы устного народно-

¹ Минц С.И., Савушкина Н.И. Указ. соч. — С. 21.

поэтического творчества Вологодского края, но и проследили бытование и развитие основных жанров народной поэзии в тесной связи с жизнью ее создателей и исполнителей.

